

Наталья ЧИКИНА,
Роберт КОЛОМАЙНЕН
г. Петрозаводск

Размышления в канун юбилея

К 75-летию Роберта Коломайнена

Имя переводчика, публициста, журналиста, литературного критика, члена Союза писателей России (1992), главного редактора журнала «Карелия» (1993–2014) Роберта Коломайнена хорошо известно в финно-угорском мире. Мое личное знакомство с ним состоялось в редакции журнала «Карелия». Тогда она еще располагалась в здании на ул. Пушкинской, 13 в Петрозаводске, в 2006 году. Роберт Петрович любезно согласился перевести и опубликовать на страницах журнала мое исследование о современном состоянии литературы на карельском языке. Он произвел на меня впечатление образованного, умного, интеллигентного и скромного человека. За годы, прошедшие с нашего первого знакомства, Коломайнен вызывает у меня чувство глубокого уважения. В канун юбилея мы побеседовали с ним о жизни и литературе.

– Вы родились в Тюменской области, как попали туда ваши родители?

– Родился в Тюменской области, в поселке Хальмер-Седе на берегу Обской губы. Туда были эвакуированы мои родители летом 1942 года из блокадного Ленинграда. В 1947 году семья выехала в Гатчинский район Ленинградской области, где в родной деревне отца сохранился его дом, но была выселена оттуда в течение 24 часов на основании секретного постановления Совета министров СССР от 7 мая 1947 года, согласно которому финнам запрещалось проживать в Ленинграде и Ленинградской области. С 1947 года и до марта 1960 года мы жили снова в Сибири, сначала в Алтайском крае и с 1951 года в Кемеровской области.

– Говорили ли в семье по-фински, когда вы жили в Сибири?

– По-фински мои родители говорили в семье всегда, но сказки мне читали в раннем детстве на русском языке. Семья всегда тесно общалась с другими ингерманландскими финнами там, где

проживала – и в Сибири, и здесь, в Петрозаводске. Взрослые разговаривали между собой по-фински, на ингерманландском диалекте; мой отец в повседневном общении владел финским языком лучше, чем русским. В детстве, готовя меня к школе, мать предпочитала совершенно сознательно общаться со мной на русском языке, чтобы у меня не было трудностей в школе. Ведь у меня после осложнения от кори (переболел корью и многими другими болезнями во время депортации, когда семья скиталась без крыши над головой) был понижен слух, и я, научившись читать, не умел многие русские слова произносить правильно, потому что не мог расслышать их в речи окружающих. Но русский язык мне давался легко, и диктанты я писал в начальной школе на «хорошо» и «отлично».

– Кто оказал влияние на формирование вашего мироощущения? Ваши пристрастия и антипатии в литературе, искусстве, философии?

– Что влияло на мироощущение? Русскоязычная народная среда и в Сибири, и в Карелии, на мой взгляд, одинакова. Моя мать часто отмечала лучшие черты русского народного характера, и я с ней согласен, никак не умаляя морально-психологические качества людей других национальностей. Я вырос и сложился как личность в социально и нравственно здоровой среде советского периода нашей истории. У меня сохранились самые теплые чувства к людям, окружавшим меня в школе, на двух заводах, где я работал, в университете и издательствах «Прогресс» и «Периодика». Советское школьное и вузовское образование я до сих пор высоко ценю, особенно преподавание литературы, математики, физики и химии. Что касается мировоззрения, то я стремился сам вырабатывать свои убеждения примерно с 16 лет. По моим наблюдениям, далеко не все занимаются такой, как говорили раньше, внутренней работой над собой. Конформизм – это всегда преобладающее состояние умов в обществе. Мнения есть у всех, их только не надо выдавать за убеждения: настоящим убеждениям несвойственна переменчивость мнений. Я с юности высоко ценю немецкую классическую философию и классическую русскую литературу: первую – за высокую культуру мысли, вторую – за высокую культуру души. Из советских философов мне импонировал особенно Эвальд Ильенков. Постмодернистские умонастроения и течения не привлекают меня ни в философии, ни в искусстве. Мне достаточно того, что я могу при желании ос-

ваивать их понятийный аппарат и прочий интеллектуальный инструментарий, насколько они передают реалии современной жизни и мироощущение наших современников. В этом отношении я сравнил бы постмодернизм с декадентством конца XIX – начала XX века.

– Ваше отношение к религии?

– Из религий я знаю в рамках своего жизненного опыта только христианство, а именно православие и лютеранство. Христианство в его положительных проявлениях я определил бы как исторически сложившуюся форму гуманизма, которая отразилась в нравах народа и душевном складе человека. Я знал, например, равнодушных к религии, даже атеистически настроенных людей с христианским складом души. Подлинная народная религиозность не сводится к церковной обрядности, она проявляется именно в уважительном и чутком отношении к окружающим, в деятельном участии к людям. В то же время положительное влияние христианских убеждений ограничивается сферой душевной жизни человека. Оно несколько смягчает нравы, но крайне мало содействует движению общества к социальной справедливости. Практически не играет никакой роли в сфере реальных общественных отношений. Мои родители были глубоко религиозными лютеранами, но они никак не навязывали мне верования, только рассказывали о нем. Одно из моих самых сильных и глубоких впечатлений детства связано с религиозностью ингерманландских финнов в Сибири: пережив ужасы войны и последовавшее за ними отлучение от своей малой родины со стигмой неблагонадежных граждан, они находили моральную опору и утешение в Евангелии, в евангельском учении о достоинстве и самоценности каждого человека. Другое дело, что в целом религиозное возрождение в стране принимает формы архаичной, средневековой клерикализации общественной жизни, которая вытесняет достижения современной светской духовности, культуры и науки. Это вызывает глубокое сожаление.

– Что привело вас в Карелию?

– Мои родители всегда мечтали переехать из Сибири в родные края, в Ленинградскую область. Отец побывал в 1957 году в родной деревне и был разочарован увиденным: от довоенной языковой и этнокультурной среды практически ничего не осталось. Они были не прочь переселиться в Эс-

тонию, в Нарву, но потом предпочли Карелию. Петрозаводск был отцу знаком, он проходил военную службу в 1930-х гг. в Отдельной егерской бригаде. В Петрозаводске у нас были родственники и старые знакомые, переехавшие сюда из Сибири. Привлекала и этнонациональная среда, да и возможности для учебы и работы подраставших детей были очень неплохие.

– Что привело вас работать на завод?

– После школы я устроился на работу слесарем на завод «Авангард», где мы по программе политехнического школьного образования с девятого по одиннадцатый класс изучали рабочие специальности. Не скрою, я был глубоко разочарован этой формой овладения профессией, непомерной затратой времени и самой организацией обучения: на практике основные навыки рабочего-металлиста приобретались за три месяца работы после неполной средней школы. Мне даже не хотелось идти на «Авангард», но в горисполкоме мне сказали, что другого места по закону для меня нет. В довершение всего на «Авангард» меня никак не хотели принимать: нет якобы работы, хотя чуть позднее приняли в цех двух-трех несовершеннолетних в ученики слесаря! Лишь позднее я узнал, что в городе вообще бывало трудно устроиться на работу. Мне нужен был производственный стаж для поступления в Ленинградский университет, где я хотел изучать общественные науки. Интерес к ним был связан с общим подъемом исследований в сфере этих наук, с известным раскрепощением общественной мысли в 1960-е годы. Кроме того, у меня был стойкий интерес к литературному финскому языку, который я пытался изучать самостоятельно – в начале 1960-х годов он уже не преподавался в школе.

– Почему вы решили поступать на историко-филологический факультет? Что предопределило выбор профессии?

– У нас в тогдашней восьмой школе Петрозаводска был прекрасный преподаватель литературы – Наталья Львовна Тайц. Она как-то в десятом классе написала мне в тетради для сочинений: «Не думаешь ли ты о поступлении на историко-филологический факультет?» Об этом я не мечтал, но спустя четыре года интерес к финскому языку возобладал, я поступил в Петрозаводский университет. Признаюсь, я особенно не задумывался над тем, где буду работать в будущем по специальности филолога.

– Служили ли вы в армии? Считаете ли вы это необходимостью или для вас это стало потерей времени?

– Срочную службу в армии не проходил, но получил в течение трех лет военную подготовку во время учебы в университете. К военному делу относился серьезно, не сомневался в том, что в жизни случается всякое и навыки в военном деле могут понадобиться. По окончании университета присвоили звание лейтенанта, был подготовлен к должности командира мотострелкового взвода. Элементарные знания в этой области, да и соответствующий психологический настрой пригодились менее чем через три года, в начале 1975 года, когда в издательстве «Прогресс» приступил к переводу на финский язык книги маршала А. Василевского «Дело всей жизни». Конечно, для этого мне пришлось еще основательно изучать военную и военно-историческую литературу и овладевать военной терминологией, используемой в оперативном искусстве. А в 1981 году, уже имея опыт военного перевода, я перевел на финский книгу маршала К.Рокоссовского «Солдатский долг».

– Где и когда была ваша первая публикация в печати?

– Мой первый серьезный перевод на финский язык был опубликован в 1974 году, это тематический сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс о литературе и искусстве». Классики марксизма были мне интересны на протяжении многих лет, это было высокоинтеллектуальное учение, с точки зрения которого можно интерпретировать многие явления современной России, хотя у великих умов были свои великие заблуждения. Моя первая журналистская публикация, посвященная поэту Армасу Мишину, вышла в газете «Неувосто-Карьяла» в ноябре 1988 года.

– Какие события вашей жизни вы считаете наиболее важными?

– Наверное, можно было бы выделить несколько важных событий, как, например, переезд семьи из Сибири в Карелию, но прожитая жизнь представляется мне скорее единым потоком больших и малых событий, которые надо осмысливать только в их взаимосвязи и с точки зрения целого. Скажем, работа в больших производственных коллективах в молодые годы имела

важное значение для моего личного развития, хотя кто-то может считать это потерянным временем с точки зрения моей будущей, или основной, профессии. Или, скажем, доверие коллег ко мне, к моим деловым и морально-психологическим качествам, способностям и профессионализму в финской редакции издательства «Прогресс», в «Карьялан саномат» и в журнале «Карелия» производило на меня глубокое впечатление и обязывало меня многому, но это ведь не было «событием». В «Прогрессе» коллектив ручался за меня, отправляя в 1976 году на годичную стажировку в Финляндию, хотя я не был ни комсомольцем, ни членом партии; коллектив и учредитель журнала «Карелия» доверили мне летом 1993 года руководство редакцией на целых два десятилетия. Ну, хорошо, можем считать эти факты моей биографии важными для меня событиями.

– Ваш взгляд на собственный творческий путь. Кто вы больше: журналист, переводчик, литературный критик?

– У меня был одинаково сильный, живой интерес и к переводам, и к журналистике, и к литературе, к литературной критике. Правда, журналистикой и литературной критикой я увлекся после пятнадцати лет работы переводчиком.

– Почему занялись переводами?

– Окончив университет, я поступил в сентябре 1972 года на работу в финскую редакцию издательства «Прогресс». После нескольких месяцев редакторской работы заведующий редакцией Вейкко Матвеевич Айрола предложил мне перейти на должность переводчика и сказал, что этой работы мне хватит на всю жизнь. В то время я подумывал о втором высшем образовании – меня интересовали общественные науки. Руководитель верил в мои способности и трудолюбие и, очевидно, в мою любовь к родному финскому языку. Я решил сосредоточиться на переводческой работе, она ведь не из легких.

– Насколько хорошо развита в настоящее время переводческая школа в Карелии?

– На мой взгляд, современная переводческая школа Карелии по своему уровню уступает тому, что было у нас в республике в переводческом деле в 1960–1990-х годах. Кроме продвинутой и масштабной по своему размаху переводческой

работы, у нас анализировались и оценивались конкретные переводы и многие концептуальные моменты переводческой практики, у нас была настоящая критика переводной литературы. Художественным переводом и его проблемами занимались и в Союзе писателей Карелии, и в Институте языка, литературы и истории, были семинары переводчиков, в том числе советско-финские, систематически и широко обсуждались в редакциях издательства «Прогресс» и журнала «Пуналиппу» подготовленные к публикации художественные переводы. А что теперь? В мае 2018 года в Петрозаводске прошел организованный группой московских поэтов семинар-практикум по проблемам перевода поэзии. Отрадно было видеть живой интерес участников к переводческому делу. После нескольких моих кратких выступлений москвичи заметили мне: «У вас, очевидно, есть наработки в этой области?» Я ответил: «Своих наработок у меня нет, я только озвучил малую толику того, что было по затронутым на семинаре вопросам в арсенале переводческой школы Карелии 30-50 лет назад и что нынешние наши переводчики будут в лучшем случае переоткрывать для себя заново методом проб и ошибок».

– Что привело вас к критике?

– Вначале была страсть к чтению. В шестом классе школьный библиотекарь заметила ее и предложила писать отзывы о прочитанных книгах. В старших классах преподаватель литературы Наталья Львовна учила нас писать рецензии, да и вообще ориентировала прежде всего на самостоятельное восприятие произведений и осмысление прочитанного. В газете и журнале была возможность (да и профессиональная журналистская потребность) выражать свое читательское прочтение книжной новинки в более строгой, литературно-критической форме. Настоящий литературный критик – это хорошо подготовленный, высококвалифицированный читатель, он должен предложить наиболее адекватное прочтение произведения и его оценку, чаще всего и прежде всего эстетическую.

– Каково, на ваш взгляд, состояние литературной критики в настоящее время в Карелии?

– На протяжении последней четверти века у меня было стойкое впечатление, что в Карелии презентации отчасти вытеснили потребность читателей в серьезном литературно-критическом ос-

мыслении произведения. С другой стороны, роль литературного критика не следует преувеличивать: он не может претендовать на эталонное прочтение произведения. За читателем надо признавать принципиально неотчуждаемое право на глубоко личностное восприятие литературы. Другое дело, если он готов обсуждать свой опыт прочтения и, возможно, углубить его, знакомясь с оценками критиков (или других читателей). Абсолютно всеядных читателей не бывает, не бывает и таких критиков, так что субъективность и относительность критических оценок неизбежны (хрестоматийный пример: Пушкин в критике Белинского и Писарева). Литературная критика нужна и самим писателям, как, например, художественная критика нужна в изобразительном искусстве. Значение субъективного фактора в критике очень велико в условиях идеологического плюрализма, свободы мнений и слова. Тем не менее критика остается в принципе органической частью литературного процесса. Без Белинского мы бы не понимали так глубоко роман в стихах Пушкина.

– Что было для вас главным на посту редактора журнала «Карелия»?

– Журнал «Карелия» был до 2014 года литературно-художественным и общественно-политическим изданием. Я стремился, насколько это возможно в редакционной политике, поддерживать на высоком уровне обе ипостаси журнала. Настоящая художественная литература удовлетворяет не только эстетические потребности читателя, но и его потребность в социально и этически значимой картине, образе общества и личности, в глубоких экзистенциально-жизненных смыслах в эпоху перемен. В этой своей функции литература отчасти пересекается с философией и религией и отвечает на те же фундаментальные вопросы, что и они, на конкретном жизненном материале. Творческий коллектив редакции стремился содействовать развитию финно-, карело- и вепсыязычной литературы Карелии и этнокультурной самореализации прибалтийско-финских народов республики. Публикации журнала отражали существенные черты литературного процесса Карелии в целом. Мы поддерживали литературные связи с Финляндией, они обогащали и литературное творчество, и финский язык наших читателей и авторов здесь, в Карелии. Художественные переводы русскоязычных произведений тоже были в центре нашего внимания.

– В какой степени события современной общественной жизни воздействуют на ваше творчество?

– Журналистика и литературная критика призваны постоянно чувствовать нерв времени и быть в диалоге с современниками по жизненно важным для людей вопросам. Но многие актуальные вещи познаются в ретроспективе гораздо отчетливее и глубже именно как идущие из прошлого закономерности. Отсюда обращение к прошлому, которое внешне может выглядеть как отход от современности, но в действительности помогает уяснить ее существенные черты. Скажем, я с энтузиазмом переводил с финского на русский книгу И. К. Инхи «В краю калевальских песен», изданную впервые более ста лет назад, именно потому, что был убежден: она поможет современному читателю, например, глубоко понять природу эпоса «Калевала», его нерасторжимую связь с фольклором, двуединство индивидуального творчества Леннрота и коллективного народного творчества, органическое единство поэмы как литературной формы с «долитературным» народным творчеством.

– Чем запомнился вам XX век в истории России?

– XX век представляется одним из тяжелейших периодов в истории России: слишком много было негативной, разрушительной энергии, культура классовой вражды и ненависти в государственном строительстве и преобразовании общества. Модернизацию страны и общества возможно было осуществить без массовых вакханалий бессмысленной жестокости и насилия. Многие события нашей истории просто травмируют нашу память. Плохо то, что естественный, «природный» гуманизм требовал от людей временами настоящего подвижничества, на который немногие способны в атмосфере государственного насилия, даже террора и насаждавшегося с его помощью страха.

– Ваша оценка таких исторических событий, как революция, культ личности, Великая Отечественная война, «оттепель», перестройка, распад СССР с точки зрения их влияния на вашу личную судьбу?

– Светлые воспоминания связаны с «оттепелью»: со смягчением политики в отношении депортированных народов, реабилитацией

жертв репрессий, с частичной десакрализацией высшего руководства страны и ослаблением архаичного культа вождей, с гуманизацией общественных отношений, романтическими настроениями в обществе 1960-х годов. Горбачевская перестройка увлекла, но оказалась во многом утопичной «маниловщиной». Распад СССР объясняется прежде всего близорукой политикой и низким эгоизмом российской элиты. СССР вполне мог сохраниться, хотя и без Прибалтики, тогда не было бы катастрофического обрушения народнохозяйственных связей и жизненного уровня народа. СССР стоял на пороге постиндустриального, информационного общества. Я разделял взгляды, заблуждения и иллюзии большей части народа в послевоенный период истории, во «внутренней эмиграции» никогда не был.

– Какие наиболее значительные периоды, явления, имена вы бы выделили в финноязычной литературе Карелии?

– В истории финноязычной литературы Карелии период конца 1920-х – первой половины 1930-х годов, связанный с творчеством финнов-эмигрантов и отражающий традиции европейского социального реализма. Затем следуют 1960–1980-е годы – период настоящего расцвета нашей национальной литературы. Это наша классика: романы Николая Яккола, Ульяса Викстрема, Антти Тимонена, Ортье Степанова, проза Яакко Ругоева, Пекки Пертту, Матти Мазаева, поэзия Николая Лайне, Яакко Ругоева, Тайсто Сумманена, Армаса Мишина, произведения

для детей Тертту Викстрем. Из литературы 1990–2000-х годов выделяются завершающий классическую эпическую роман Яакко Ругоева «Лес слышит, озеро видит», роман Арви Пертту «Экспедиция Папанина» и прекрасные рассказы для детей Матти Мазаева.

– Ваше представление о будущем финноязычной литературы Карелии. С какими процессами вы его связываете?

– О будущем финноязычной литературы Карелии затрудняюсь говорить, прежде всего потому, что уже нет такой «творческой мастерской» художественной литературы и такого организатора литературного процесса, как журнал «Карелия» до 2014 года. В самой республике уже прервана, организационно и институционально, сложившаяся в прошлом веке финноязычная литературная традиция. Добротные произведения на финском языке могут появиться, но это будет, по существу, явлением случайным, как для обывателя появление кометы на небосклоне.

Беседовала Наталья Чикина

Роберт Петрович КОЛОМАЙНЕН

родился в 1944 году.

*Окончил историко-филологический факультет
Петрозаводского государственного университета.*

*Работал переводчиком издательства «Прогресс»,
главным редактором финноязычного журнала «Карелия».*

*Автор многих статей по вопросам культуры,
литературы, искусства и науки.*

*Заслуженный работник культуры РФ,
заслуженный работник культуры Республики Карелия,*

член Союза писателей России,

член Союза журналистов России.

Живет в Петрозаводске.